

Afanas'ev, G. E.
"

ГЛАВНЫЕ МОМЕНТЫ
МИНИСТЕРСКОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ
ТЮРГО
И
ИХЪ ЗНАЧЕНІЕ.

СОЧИНЕНІИ

Г. Е. АФАНАСЬЕВА.

РДЕССА.
Тип. В. Кирхнера.
1884.

DC 137.5
T9A324

Дозволено цензурою. Одесса. 19 марта 1884 года.

ВВЕДЕНІЕ.

Вторая половина XVIII вѣка поражаетъ насъ появленіемъ ряда государственныхъ дѣятелей, какъ будто по уговору, принимающихъ за реформу старыхъ монархій, сохранившихъ въ своемъ устройствѣ большое наследство среднихъ вѣковъ. Фридрихъ Великій, Іосифъ II, Скиапаччи, Помбаль, Струэнзе и Тюрго, вотъ рядъ дѣятелей, почти одновременное появленіе которыхъ весьма знаменательно, какъ указатель существованія общихъ причинъ, обуславливавшихъ необходимость перестрой государствъ на новыхъ началахъ. Общая имъ черта, — это стремленіе къ секуляризациі государства, при чемъ нѣкоторые изъ нихъ, положивъ въ основаніе своей дѣятельности понятія о государствѣ, выработанныя современнымъ умственнымъ движеніемъ, не останавливались на освобожденіи государства изъ подъ вліянія церкви, а присоединили къ этому стремленію уничтожить тѣ пути, которыя заключались въ средневѣковыхъ, сословныхъ и мѣстныхъ привилегіяхъ.

Тюрго занимаетъ между упомянутыми реформаторами первое мѣсто по цѣльности своей программы и по гуманности началъ, положенныхъ имъ въ ос

не своей дѣятельности. Если кто изъ современниковъ стоитъ къ нему въ этомъ отношеніи ближе другихъ, такъ это Іосифъ II, гуманнѣйшій изъ государей того времени. Какъ тому, такъ и другому дороги были интересы низшихъ классовъ, подавленныхъ не столько тяжестью государственнхъ требованій, сколько неравенствомъ ихъ распредѣленія между отдѣльными классами общества. Дѣятельность Тюрго, однако, находилась довольно долго въ вниманіи историковъ. Въ этомъ отношеніи она раздѣляла одинаковую участь со всѣмъ тѣмъ, что непосредственно предшествовало великой революціи. Грандіозныя событія послѣдней надолго застѣли собою предшествующія событія. Тѣмъ не менѣе, однако, нѣкоторые изъ этихъ событій важны не только по отношенію къ революціи, или какъ подготовившія послѣднюю, или какъ опредѣлившія ея направленіе; но и безотносительно, какъ такія общественныя явленія, которыя имѣли будущность, но по случайнымъ обстоятельствамъ остались безъ результатовъ. Упомянемъ, напримѣръ, о провинціальныхъ собраніяхъ временъ Людовика XVI.

Кратковременная дѣятельность Тюрго произвела сильное впечатлѣніе на передовыхъ людей его времени, и неудача ея не умалила этого впечатлѣнія ¹⁾. Она произвела нѣкоторое дѣйствіе и на массу населенія. Неудача ея не уничтожаетъ заслуги дѣятеля, пытавшагося предотвратить бурю, приближеніе которой чувствовалъ не онъ одинъ.

¹⁾ Ср. *Oeuvres posthumes de Turgot*. Lausanne 1787.

Наша историческая литература не оставила безъ вниманія дѣятельности Тюрго. Первый трудъ по этому предмету принадлежитъ бывшему профессору Рижскаго лицея Муравьеву. («Тюрго, его ученая и административная дѣятельность, или начало преобразованій во Франціи XVIII в.» М. 1858 г.). Авторъ, однако, не могъ пользоваться, какъ онъ самъ признаетъ, многими весьма цѣнными матеріалами, такъ какъ не могъ ихъ найти въ Москвѣ. Такъ, онъ не знаетъ мемуаровъ Дюпонъ де Немура, такъ какъ это сочиненіе дѣйствительно рѣдко. Въ Кіевской университетской библіотекѣ оно существуетъ, и было приобретено еще въ то время, когда существовала *Academia Vilnensis*. Независимо отъ этого, трудъ Муравьева показываетъ, что авторъ не задавался цѣлью изложить подробно ученую и административную дѣятельность Тюрго, онъ дѣлаетъ только бѣглый очеркъ ея, не дѣлая даже никакихъ выводовъ. Трудъ этотъ въ настоящее время не имѣетъ уже значенія. Недостатки его въ то время указаны были Чернышевскимъ въ рецензій, помѣщенной въ Современникѣ.

Нѣсколько позднѣе (1860 г.) явилась въ Русскомъ Словѣ статья Благосвѣтлова о министерской дѣятельности Тюрго. Статья написана живо, обладаетъ несомнѣнными литературными достоинствами, но страдаетъ существеннымъ недостаткомъ: вниманіе автора обращено не на суть дѣла, а на частности. Рисуя положеніе Франціи, онъ обращаетъ особенное вниманіе на злоупотребленія чиновничества, а не на учрежденія, права, привилегіи, повинности, существованіе ко-

торыхъ основывалось на положительномъ законѣ, или на общемъ духѣ конституціи. Между тѣмъ неудовлетворительностью то этихъ сторонъ жизни можетъ быть серьезно мотивирована необходимость переворота. Кроме того авторъ недостаточно изучилъ предметъ, о которомъ взялся говорить, — вслѣдствіе чего у него встрѣчаются фактическіе промахи. Вотъ все, что я знаю въ русской исторической литературѣ по отношенію къ предмету моей работы.

Иностранная литература, преимущественно французская, совершенно естественно гораздо болѣе занималась дѣятельностью Тюрго. Первое сочиненіе принадлежит Дюпонъ-де-Немуру, другу Тюрго. Вышло оно въ 1782 г. въ Филладельфій (*Memoires sur la vie et les ouvrages de Turgot*). Оно цѣнно, потому что Дюпону, какъ человеку очень близкому, было извѣстно многое, что для другихъ было тайной. Въ его сочиненіи только можно найти финансовый отчетъ Тюрго, такъ какъ въ сборникѣ отчетовъ онъ не помѣщенъ. Конечно, пользуясь мемуарами Дюпонъ-де-Немура, надо подвергать учету его невольное пристрастие, какъ друга; но онъ человекъ очень правдивый, и учетъ этотъ поэтому очень невеликъ.

Пять лѣтъ позже появленія мемуаровъ Дюпонъ-де-Немура, появилась біографія Тюрго, написанная Кондорсе (*La vie de M. Turgot*. Berne, 1787) и изданная анонимно за границею. Эта біографія изображаетъ главнымъ образомъ идейную жизнь Тюрго и представляетъ скорѣе подробный некрологъ, написанный въ память покойнаго друга. Въ томъ же году появилась

брошюра о Тюрго, въ которой изданъ былъ впервые его проектъ муниципальных собраний и сдѣлана оцѣнка этого проекта. (*Oeuvres posthumes de M. Turgot. Lausanne 1787*). Въ началѣ нынѣшняго столѣтія (1808 г.) впервые изданы были сочиненія Тюрго Дюпонъ-де-Немуромъ и снабжены послѣднимъ примѣчаніями, имѣющими особенную цѣлу. Изданіе сочиненій было повторено въ 1844 году Даромъ и Дюссаромъ въ извѣстной *Collection de principaux économistes* Гильомена.

Сочиненіямъ Тюрго предпослана историческая замѣтка о Тюрго, знакомящая съ главными моментами его жизни. Благодаря систематичности и примѣчаніямъ, это изданіе очень удобно для пользованія и служитъ главнымъ источникомъ для изученія дѣятельности Тюрго.

Но прошло еще довольно времени до тѣхъ поръ, какъ административная дѣятельность Тюрго сдѣлалась предметомъ научной обработки. Первою такою попыткою было сочиненіе Тиссо, а вслѣдъ затѣмъ сочиненіе Батѳи, явившееся въ свѣтъ въ 1866 году. (*Turgot, philosophe économiste et administrateur. Paris*). Последнее отличается большими достоинствами, чѣмъ первое. Авторъ не задавался цѣлью обработать главнымъ образомъ административную дѣятельность Тюрго. Последняя поставлена имъ на заднемъ планѣ. Касаясь ея, однако, Батѳи подробно изложилъ дѣятельность Тюрго въ Лиможѣ и, воспользовавшись случаемъ, обстоятельно знакомитъ читателя съ положеніемъ провинцій въ то время и въ особенности съ устройствомъ податной системы и системы повин-

ностей. Министерской дѣтельности авторъ касается лишь вскользь, но въ заключеніи онъ ведетъ рѣчь именно по поводу ея. Надо, однако, сказать, что эта послѣдняя глава сочиненія Батби слаба. Въмѣсто того, чтобы въ «заключеніи» подвести итоги дѣтельности и опредѣлить ея значеніе, Батби ограничивается замѣчаніемъ, что если бы программа Тюрго осуществилась, революція была бы предупреждена и дальнѣйшая государственная жизнь Франціи получила бы совершенно иной характеръ и нныя основанія. Затѣмъ авторъ ведетъ до конца разсужденіе о совмѣстимости демократіи со свободой, разсужденіе къ дѣлу не относящееся. Другое сочиненіе о Тюрго, появившееся четырьмя годами раньше, принадлежит Тиссо. (Tissot, Turgot, sa vie, son administration, ses ouvrages. 1862).

Это сочиненіе касается равномѣрно всѣхъ сторонъ дѣтельности Тюрго. Характеръ его повѣствовательный. Разсматривая факты, авторъ не выходитъ изъ круга того матеріала, который заключается въ изданныхъ Гилльоменомъ сочиненіяхъ Тюрго.

Заключеніе автора о дѣтельности Тюрго сводится къ тому, что послѣдній былъ человѣкомъ, стремившимся къ общественному благу. Такъ какъ сочиненіе Тиссо предшествовало сочиненію Батби, то послѣднее является дополненіемъ перваго въ томъ отношеніи, что административная дѣтельность Тюрго въ Лиможѣ у Тиссо почти не тронута, тогда какъ Батби на ней именно остановилъ особенное вниманіе. Наоборотъ, дѣтельность Тюрго, какъ министра, изложенная въ сочиненіи Тиссо обстоятельно, очерчена у Батби лишь

слегка. За этими сочинениями слѣдуетъ трудъ Матье (Mastier), который, однако, отличается меньшими достоинствами, чѣмъ первый, и притомъ административной дѣятельности Тюрго не касается вовсе. Въ срединѣ семидесятыхъ годовъ появилось сочиненіе Каде (Cadet) — «Тюрго», предназначенное для массы народа (ц. 30 с.) и указывающее своимъ появленіемъ на значеніе, которое стали придавать въ послѣднее время дѣятельности Тюрго, какъ реформатора. Уже въ то время, какъ издана была эта маленькая книжка, готовился трудъ о Тюрго, съ достоинствами котораго не можетъ сравниться ни одно изъ предъидущихъ сочиненій. Этотъ трудъ вполне справедливо былъ увѣнчанъ академіей наукъ. Я говорю о появившейся въ 1877 году книгѣ Фонсена «Опытъ о министерствѣ Тюрго». (Fonsin. Essai sur le ministère de Turgot). Скромность названія этого труда только усиливаетъ впечатлѣніе, которое выносимъ послѣ его прочтенія. Авторъ справедливо говоритъ, что до него министерство Тюрго не было предметомъ спеціальнаго трактата. Фонсенъ взялся за такую задачу и разобралъ очень полно не только содержаніе министерской дѣятельности Тюрго, разъясняя смыслъ каждой его мѣры, но и обстановку, среди которой ему приходилось дѣйствовать. Выдающимся вкладомъ этого труда въ науку слѣдуетъ признать обстоятельное и ясное изложеніе вопроса, какъ сформировалась враждебная Тюрго сила и какъ совершилось его паденіе. Последнее обстоятельство разработано особенно подробно и отчетливо.

Сочиненіе Фонсена таково, что послѣ него очень

трудно выступить съ работою о министерствѣ Тюрго. съ работою, имѣющею большую цѣну. Признаюсь, выходъ въ свѣтъ его труда озадачилъ меня значительно. Моя работа была тогда на половину сдѣлана; въ 73 и 74 годахъ мною собраны были въ Парижской Національной библіотекѣ матеріалы для выясненія значенія нѣкоторыхъ мѣропріятій Тюрго, и оказалось, что многое изъ того, что мною было проштудировано и собрано, было, вѣроятно, въ тоже самое время, предметъ занятій Фонсена. Я рѣшился, однако, кончить свою работу, руководясь слѣдующими соображеніями: 1) для русской исторической литературы моя работа можетъ быть полезна, такъ какъ сочиненіе Фонсена не переведено и едва ли будетъ переведено когда либо; 2) Цѣль моей работы была иная, чѣмъ у Фонсена, а потому характеръ ея нѣсколько иной и 3) выводы, къ которымъ я пришелъ тогда и которые излагаю теперь, имѣютъ самостоятельный характеръ, а можетъ быть, могутъ имѣть нѣкоторое значеніе для науки. Вотъ мотивы, побудившіе меня не бросать начатаго труда, кончить то, что уже было на половину сдѣлано и отдать свою работу на судъ русскаго общества.

Положеніе Франціи.

Начало царствованія Людовика XVI рѣшило вопросъ въ высшей степени важный въ исторіи Франціи, — вопросъ о томъ, какъ будетъ произведенъ перестрой государstвеннаго механизма и организаціи общества, по инициативѣ ли королевской власти и при участіи ея въ этой работѣ, или же помимо ея и даже противъ ея воли, причемъ въ послѣднихъ случаяхъ она должна была неизбежно подвергнуться участи всего феодальнаго порядка и погибнуть вмѣстѣ съ нимъ, стремясь остаться вѣрною своему феодальному происхожденію.

Что самый перестрой государства былъ лишь вопросомъ времени и притомъ времени весьма непродолжительнаго, въ этомъ едва-ли можно сомнѣваться, и достаточно сдѣлать бѣглый очеркъ положенія страны въ то время, чтобы убѣдиться въ этомъ.

Королевская власть давно повергла къ своимъ ногамъ бывшихъ своихъ противниковъ, и король остался единственнымъ распорядителемъ судебъ страны.

Воля короля стала закономъ и представлялась таковою въ заключительныхъ словахъ каждаго эдикта. Тѣ учрежденія, которыя когда то составляли противокѣсъ этой волѣ, или перестали существовать фактически, какъ *états généraux*, или были обречены на безплотные протесты, подчиняясь въ концѣ концовъ королевскому повелѣнію, — таковы парламенты, — или же, наконецъ,

оставаться позади общественных интересов. Ставъ въ такое положеніе, она дѣлалась тяжестью, несомною въ силу привычки, но все съ большимъ и большимъ неудовольствіемъ.

Царствованіе Людовика XV было именно такимъ моментомъ въ исторіи королевской власти. Король, по сущности придворнаго церемоніяла, имѣлъ мало времени для занятій государственными дѣлами ¹⁾; личное нерасположеніе Людовика XV къ работѣ, полная деморализація удовольствіями самаго низкаго разбора превратили короля въ декорацию, скрывавшую дѣйствія придворныхъ королевскихъ любовницъ и ихъ протѣже, причемъ, конечно не было и рѣчи о государственномъ благѣ. Въ своемъ равнодушіи къ послѣднему король соперничалъ съ придворными, принимая участіе въ постыдныхъ спекуляціяхъ «Faste de Famine». Королевскій авторитетъ былъ потрясенъ до того, что въ обществѣ находили вѣру даже такіе слухи, что королю, во время болѣзни дѣлаются ванны изъ человѣческой крови. Трупъ короля, во избѣжаніе скандала, везли въ С. Дни окольными путями, и похоронная процессія болѣе была похожа на карнавалъ, чѣмъ на печальную церемонію. Много надо было энергій, чтобы поднять королевскую власть на высоту ея прежняго величія посредствомъ удовлетворенія общественныхъ нуждъ; но это не было невозможно: Людовика XVI встрѣчали, какъ «желаннаго» и возлагали на него надежды.

Жизнь поставила вопросы, просвѣщенные люди искали и находили средства ихъ разрѣшенія. Административная централизація оказывалась машиной крайне тяжелою на подъемъ, неспособною удовлетворять, какъ слѣдуетъ и своевременно общественныя потребности: раздавались голоса въ пользу развитія областной жизни, автономіи и политической свободы.

Но центромъ тяжести положенія былъ принципъ привилегій, проникавшій все общественное устройство. На 26 миллюновъ населенія привилегированныя сословія составляли ничтожное меньшинство. Число городскихъ опредѣляютъ въ 140 тысячъ, а численность духовенства въ 130 тысячъ, итого 270 тысячъ ²⁾. Это сотая часть населенія, а она владѣла большею половиною пространства Франціи. Доходы этихъ сословій были весьма значительны, если не такъ велики, какъ должны были бы быть при такой значительной поземельной собственности.

Доходы духовенства были особенно значительны. Цѣнность его владѣній, составлявшихъ $\frac{1}{3}$ всей Франціи, опредѣляютъ въ 4 милльярда; десятина давала дохода 123 милліона; доходность его земель опредѣляютъ различно. Болѣе вѣроятнымъ образомъ можно опредѣлить этотъ доходъ около 140 милліоновъ ливровъ, что вмѣстѣ съ доходомъ отъ десятины составитъ болѣе 250 милліоновъ ливровъ. Въ этотъ счетъ не вошли доходы отъ выполненія требъ и разныхъ сборовъ; а эта статья дохода оцѣнивалась милліонами.

Но оставляя въ сторонѣ этотъ доходъ, за неизмѣнимъ данныхъ для болѣе или менѣе вѣроятнаго его опредѣленія, получимъ все таки 250 милліоновъ дохода, что на теперешній деньги составитъ 500 милліоновъ ³⁾. Сюда не входитъ также и оцѣнка разныхъ феодалныхъ правъ, которыми пользовалось духовенство наряду съ дворянствомъ ⁴⁾. Если прицѣпить во вниманіе, что въ наше время расходы по содержанію церкви составляютъ около 50 милліоновъ, то очевидно будетъ, какъ велика была лишняя тяжесть, лежавшая на трудящихся классахъ страны.

По доходамъ духовенства можно судить о богатствѣ дворянства. Его земли захватывали $\frac{1}{3}$ государства, но доходность ихъ была относительно менѣе велика, такъ

какъ значительная часть помѣщиковъ проживала внѣ своихъ помѣстій. въ столицѣ, и, такимъ образомъ, хозяйство было въ заброшѣ ⁵⁾).

Большинство помѣщиковъ отдавало свои земли въ аренду половинкамъ. причемъ послѣдніе обыкновенно отдавали половину валоваго дохода; только въ сѣверной Франціи арендаторами были люди болѣе значительные, а въ остальной — бѣдняки, которые не могли вести хорошо хозяйство и не видѣли выгоды въ развитіи земледѣлія, а хозяйничали хищническимъ образомъ. Поэтому то мы видимъ, что на воздѣлываемый гектаръ земли затрачивалось во Франціи вчетверо меньше капитала, чѣмъ въ Англіи, а урожай французскаго земледѣлія былъ въ 12 разъ меньше англійскаго, причемъ доходъ французскаго земледѣлія относится къ англійскому какъ 9 къ 14. такъ что если рента французскаго земледѣльца была $3\frac{3}{4}\%$, а англійскаго $2\frac{3}{4}\%$, то это не доказываетъ процвѣтанія французскаго земледѣлія, а также не доказываетъ, что землевладѣльцы Франціи абсолютно получали больше англійскихъ. Это доказываетъ только, что поборы съ крестьянъ были значительно больше, что въ рукахъ послѣднихъ оставляли меньшую часть продуктовъ ихъ труда, и больше ничего ⁶⁾).

Но кромѣ поземельнаго дохода, который получали помѣщики, надо прибавить $2\frac{1}{2}$ милліона разныхъ таможенныхъ пошлинъ, поступавшихъ въ пользу помѣщиковъ, да разные феодалыные поборы деньгами и натурой, которые оцѣниваются въ 100 милліоновъ, въ томъ числѣ однихъ крѣпостныхъ пошлинъ взималось около 37 милліоновъ ⁷⁾. Эти то феодалыные права, принадлежавшія частью и духовенству, составляли центръ тяжести положенія и, надо помнить, что они далеко не приносили столько пользы ихъ обладателямъ,